

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ Р.С. КАНДОРА**
**«ПРОЦЕСС ИНКОРПОРАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ АДЫГОВ
(ЧЕРКЕСОВ) СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (XIX – НАЧАЛА XX в.),
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 07.00.02 –ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ В ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 999.133.02**

Вхождение Кавказа в состав Российской империи проходило на протяжении длительного исторического периода и осуществлялось разными путями, среди которых силовое подчинение народов и земель сочеталось с мирными методами инкорпорации новых территорий в государственное и цивилизационное пространство Российского государства. Важнейшим механизмом реализации этого процесса стало внедрение имперской управленческой системы в местную административную практику, включение новоприобретенных регионов в вертикаль государственной власти. В то же время этот процесс не был линейным. Его течение было связано с конкретными реалиями военно-политической обстановки на Кавказе на протяжении XIX в. и в значительной степени с наличием в регионе индигенных властных и управленческих традиций, которым предстояло вступить во взаимодействие с укоренившимися в регионе имперскими структурами государственного управления. Этот процесс, который автор рассматриваемой работы – Р.С. Кандор – определил, как инкорпорация, составляет основной исследовательский объект представленного диссертационного сочинения.

Несмотря на то, что хронологические рамки работы более чем на полтора века отстоят от нашего времени, нельзя не признать явную актуализированность проблематики исследования. Сложносоставным и полигничным государствам суждено проходить значительный исторический путь по интеграции различных частей и земель в единый организм, постоянно выбирая для достижения цели различные пути эволюции – от тотальной и всеобщей унитаризации до многообразных форм федерализации внутреннего пространства страны. Современная Российская Федерация, выбравшая второй путь развития, должна учитывать предшествующий опыт, в том числе периода формирования территориального и этнического состава страны, одному из аспектов которого посвящена рассматриваемая работа Р.С. Кандора, имеющая таким образом весьма важное актуализированное и прикладное значение.

Основной материал исследования изложен автором в четырех главах диссертационной работы.

В этой структуре выделяется глава первая, в которой Р.С. Кандор счел необходимым изложить свои представления о теоретико-методологических основах

изучаемой проблемы. Как показал автор, на каждом хронологическом этапе растянутый по времени процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов в административную систему империи представлял собой динамическое сочетание исторического наследия с новыми государственными институтами. Поэтому Р.С. Кандор достаточно подробно остановился на своем понимание проблемы традиций и инноваций, посвятив этому первый раздел первой главы.

Второй раздел первой главы анализирует историографический контекст проблемы. Р.С. Кандор представил чрезвычайно подробный и детализированный историографический экскурс, углубленный аналитический анализ основных тенденций изучения проблемы в отечественной исторической литературе. Объемом, фундированностью и хронологическим охватом (от первых публикаций до литературы начала текущего столетия) раздел имеет самостоятельное познавательное значение, далеко выходящее за пределы собственно историографического обзора. В главе дан хронологически последовательный обзор истории накопления фактологических сведений и научных изысканий по конкретным проблемам, определены основные этапы их исследовательского осмысления, выявлена динамика научного интереса, когда периоды спада и «забвения» сменялись повышенным вниманием к процессам вхождения народов Кавказа в политico-административную систему Российской империи.

Подведя историографические итоги, Р.С. Кандор обозначил все еще остающиеся лакунарные пробелы, которые проблематизировал как «необходимость создания целостного представления об этом процессе, выявления воздействующих на него факторов и природы изменений в элементах традиционной системы управления и социальной организации адыгов (черкесов)» (с. 123), введя тем самым эти положения в контекст целей и задач своего исследования. Последние весьма широки и в целом охватывают, как сказано, комплексную характеристику административных преобразований на Северо-Западном Кавказе в XIX– начале XX в.

Диссертационная работа Р.С. Кандора опирается на широкую источниковую базу. Ее характеристика – это тоже важная задача диссертанта, поэтому естественно, что в соответствии с рекомендациями по структуре и содержанию диссертационного текста, автор во Введения выделил специальный раздел (с. 7-12), в котором дается описание привлеченных к работе источников.

Так, значительный объем источниковой информации почертнут автором из архивных материалов. Р.С. Кандор работал с фондами центральных архивохранилищ (РГВИА, РГИА и др.), региональных (ГАКК, ЦГА РСО-А, НАРА т др.), привлечены материалы из ЦГИАГ – это обеспечило исследованию весомый и фундированный

фактологический базис. Однако его описание и характеристика вызывают вопросы. В частности, не совсем ясны критерии, по которым выделяются, например, группы архивных источников по факту их нахождения в «зарубежных или российских архивах». Как место хранения влияет на познавательную ценность архивного документа? Автор далее выделяет «опубликованные сборники архивных документов». Насколько существенен этот критерий для понимания содержательной важности архивного документа? А неопубликованные обладают меньшим познавательным потенциалом?

В категорию источников личного происхождения автор включил «произведения мемуарного характера» (что вполне оправданно). Но в этой же категории оказались и «труды иностранцев, посещавших в этот период Черкесию с военно-политическими, дипломатическими и коммерческими целями». Поименованные далее публикации (Я. Потоцкого, Ю. Клапрота, К. Пейсонеля, Э. Спенсера, Дж. Белла и др.) хорошо известны в кавказоведении. По большей части – это травелоги, содержащие подробные описания путешествий по кавказским землям, они, действительно, обладают значительным источниковым потенциалом, но их никак нельзя отнести к той категории, которые в источниковедении классифицируются как источники личного происхождения.

В то же время не могу не отметить очень тонкую и разнообразную работу Р.С. Кандора с источниками материалами. Имея дело с сотнями страниц разнообразных документов – а это рапорты, донесения, письма, предписания, отношения и другая ведомственная корреспонденция, которой активно обменивались участники тех достопамятных событий, автор проявил себя замечательным аналитиком-источникovedом. Р.С. Кандор внимательно «вчитывается» в документы, тщательно их анализирует, фиксирует детали, сопоставляет данные, взаимно их верифицирует, чутко реагирует на смысловые и интонационные особенности текстов и т.д. – это дало возможность извлечь максимум разнообразной информации, которая затем легла в основу исследовательского нарратива. В исследовательской методологии автора источниковое значение имеют, например, многие поименованные в историографическом обзоре публикации. Таким образом, работая с литературой, Р.С. Кандор обращает внимание не только на содержащиеся там выводы и суждения, но широко опирается на содержащуюся там историческую фактологию, делая ее своим источниковым инструментарием, особенно, если соответствующие публикации принадлежат перу современников и очевидцев описываемых событий.

Не могу не указать еще на одно обстоятельство. В работе автор опирается на такой вид источника, как фольклорные материалы. Легенды, сказания, эпические рассказы – это весьма своеобразные и специфические свидетельства о прошлом, использовать которые

надо с известной осторожностью. Фольклорные материалы не могут быть привлечены к исследованию вне критической оценки, без проведения соответствующих источниковедческих процедур, без верификации и сопоставления с другими категориями источниковой информации. В этом случае фольклор может обладать важным источниковым потенциалом. Это весьма показательно продемонстрировал Р.С. Кандор, использовав фольклорный материал при описательном анализе социальных отношений в адыгских социумах Северо-Западного Кавказа, связанных, в частности, с нарастанием конфликтности между привилегированными сословиями (князей и дворян) и тльфокотлей (с. 195, 211). Я обращаю внимание на этот вид исторических источников, потому что на него не обратил внимание автор, не упомянув фольклорные материалы в перечислении использованных в работе видов и категорий источников, легших в основу рассматриваемого исследования, прежде всего в материалы второй главы.

В этой главе дан очерк традиционной структуры управления у адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв. Р.С. Кандор вполне обоснованно уделил этому значительное внимание, представив полновесные описания и анализ его основных элементов. Автор подробно описывает социальную структуру западноадыгского общества, классово-социальные страты и прослойки, их права, взаимообязанности и взаимоотношения. Очень подробный и показательный материал представлен автором в описаниях конкретных случаев, в которых проявились действие обычноправовых норм в сфере властowania и управления. При этом Р.С. Кандор показал, что эти структуры не были застывшими, неподвижными, или окостеневшими, так как коррелировали с трансформациями экономического и политического базиса социума.

Примеров этому Р.С. Кандор приводит достаточно, в том числе не только в контексте достаточно хорошо изученных в предшествующей историографии особенностей «аристократических» и «демократических» форм правления в социумах Западной Черкесии, но прослеживая более глубинные процессы изменений в системе политической культуры. Так, автор делает важный вывод, что трансформация традиционной системы управления «сопровождалась у абадзехов, натухаевцев и шапсугов упадком традиционной вотчинной организации и широким распространением мелких тльфокольских вотчин. Дворяне у “демократических” черкесских субэтносов превращаются в мелких вотчинников, власть которых не простирается дальше их усадеб, населенных родственниками и зависимыми сословиями».

В этой связи, однако, вызывает вопросы суждение автора, со всей определенностью сформулированное в качестве итога также и в Заключении, об «идентичности социально-политической структуры черкесских субэтносов» (с. 488). Но на мой взгляд, весь

материал, проанализированный Р.С. Кондором, свидетельствует об обратном - о сложности социально-политических реалий в Западной Черкесии, о дифференциации политических традиций в различных субэтносах региона. Хотелось бы услышать более развернутую аргументацию автора по данному вопросу.

Р.С. Кандор обращает внимание на еще один фактор – исламский, который в данном случае своей норматикой играл немаловажную роль в функционировании традиционных институтов власти.

Таким образом, к периоду вступления Западной Черкесии в состав Российской империи здесь сформировались множественные традиции политической культуры, основанной на многовековом опыте исторического развития адыгов. С рубежа XIX в. начался растянутый практически на полстолетия процесс непосредственного вхождения адыгов в подданство государства с совершенно иной социальной и управленческой структурой, а затем и дальнейшего развития в составе Российского государства.

Этот процесс стал предметом рассмотрения в третьей и четвертой главах диссертации, в которых анализируется становление новой административной системы в регионе. Р.С. Кандор показал, что этот процесс не был линейным - соответственно его интересуют обе линии его развития. С одной стороны, в работе в хронологической последовательности воссозданы этапы внедрения в регионе новых имперских административно-управленческих структур и институций (системы военно-народного управления с организацией приставских и окружных органов и др.). С другой, показана трансформация традиционной системы управления социальной организации адыгов на фоне ее инкорпорации в рамках становления в регионе российской административной системы. При этом Р.С. Кандор показал, как взаимодействовали обе нормативные системы, как протекал процесс внедрения нового нормативного комплекса, который во многом менял устоявшиеся основы быта и мировоззрения адыгов Северо-Западного Кавказа, оттеснял и суживал сферу действия традиционных управленческих структур.

В этом контексте в качестве важных исследовательских достижений автора я бы назвал предложенную им периодизацию рассматриваемого процесса. Специфику каждого выделенного этапа Р.С. Кандор усматривает в сущностном влиянии преобразований на устои горской жизни в таком важном их аспекте как нормативные традиции властования и управления.

По существу, цель проводившихся на Кавказе административно-управленческих реформ сводилась к тому, чтобы минимизировать влияние традиционных институтов на общественный и политический быт кавказских горцев. Но для успешного претворения этой задачи необходимо было основательное знание основ традиционной жизни местных

народов. Значительная часть кавказских администраторов, к счастью, это понимала, и в противовес имевшим хождения залихватским планом умиротворения Кавказа, когда вслед за полной и окончательной военной победой над горцами должно было последовать столь же однозначное подчинение региона новой управленческой структуре, вызревало понимание необходимости более продуманной программы действий, основанной на знании исторической, социальной и ментальных специфики местного населения. Отсюда, например, масштабная работа, проводившаяся в 1830-1850-х гг. по фиксации норм обычного права кавказских горцев – это был важный материал для принятия административных и управленческих решений.

Между тем, очень часто данное обстоятельство ускользает от внимания исследователей. Поэтому важно, что Р.С. Кандор акцентировал достаточно осторожный подход к этой сфере народной жизни царской администрации, которая понимала, что жесткая и бескомпромиссная ломка привычных устоев не приведет к желаемым результатам. Вследствие этого важной составляющей реформ на Кавказе стал учет этнических и культурных факторов, без которого успех преобразований в регионе мог быть поставлен под сомнение.

Р.С. Кандор весьма убедительно показал это на ряде примеров. Собственно говоря, само введение на территории Кавказа системы военно-народного управления, резко отличного от административной практики в остальных землях империи, было вызвано не только условиями еще продолжавшейся Кавказской войны, как это обычно объясняется в нашей литературе, но и пониманием задач управления региона с иноэтническим, инославным и инокультурным населением, которое предстояло ввести в круг российского законодательства и общероссийской гражданственности. При этом система военно-народного управления не предусматривала тотального уничтожения традиционной системы управления. Как показал Р.С. Кандор, у западных адыгов сохранялись привычная управленческая структура, представленная уалиями, кадиями, владельческо-старшинской прослойкой, муртазаками, устоявшимися традициями судопроизводства и др.

Введенное позднее «Положение об аульных обществах и горском населении», многими исследователями рассматривается как показатель установления государственно-полицейского контроля и произвола над кавказской сельской общиной. Однако в рамках своей концепции Р. С. Кандор показал, что в ряде аспектов в новой системе управления произошла инкорпорация традиционных форм общественно-политического быта; равно как и учрежденная в 1905 г. новая система, вводившая институт выборных от сельских обществ, который, по мнению автора, «как нельзя лучше подходил для черкесских аульных обществ», так как по существу легитимизировал сложившуюся

территориальную единицу – хабль в качестве низового звена, делегирующего свои полномочияластной вертикали государства.

В процессе инкорпорации удачным решением властей стало внедрения в управлеченческую практику знаковых, манифестирующих, маркирующих элементов социального действия. Р.С. Кандор подробно показал это на примере компаний по созданию горских воинских соединений в императорской армии, в частности формирования черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка, сражавшегося на фронте русско-турецкой войны 1877-1878 гг., или же Терско-Кубанского конного полка, бившегося в Маньчжурии на полях русско-японской войны 1904-1905 гг. В последнем случае автор указывает также, что «обращение Российского императора Николая II к горцам Кавказа, с призывом идти сражаться за свое отчество, также высоко подняло эмоциональный фон, на котором проходила кампания по формированию кубанских сотен Терско-Кубанского конного полка» (с. 435). При всей кажущейся пропагандистской легковесности этих акций, они имели очень большое значение в политической жизни коренного населения региона, поэтому мне кажется абсолютно справедливым вывод автора о том, что они стали одним из важнейших составляющих «этапов процесса инкорпорации адыгов (черкесов) Кубанской области в российское общество».

В то же время инкорпорация оказалась сложным процессом, не лишенным внутренней противоречивости, порождавших в ряде случаев серьезную конфликтность. Р.С. Кандор упоминает некоторые факты этого рода, например, случаи, судя по материалам диссертации не редкие, отстранения аульных старшин от должности. К сожалению, автор лишь формально констатирует эти факты, но не пытается их проанализировать. Между тем из архивных документов можно было почерпнуть существенную информацию по этому поводу (причины отстранения, суть конфликта, последствия и т.д.). Конечно, причины могли быть разными, но многие казусы этого рода, смею предположить, дали бы основание для дополнительной характеристики рассматриваемой в диссертации проблемы

Более внимателен автор к другому конфликтному полю – противостоянию власти и исламского духовенства. Царские администраторы прекрасно понимали, что ислам и его идеи занимают важное место в духовной и социальной жизни адыгов и соответственно своей важной задачей считали как можно сильнее «ограничить влияние мусульманского духовенства на аульные общества» – это выражалось, как показал Р.С. Кандор, в противодействии учреждению организованных форм духовного управления, мелочном вмешательство в организацию хаджа и др.

Но это поднимает другой важный вопрос – о наличии в адыгском социуме неформальных полюсов власти и их влиянии на динамику общественно-политической жизни. То, что это влияние было стильным признавали и сами представители царской администрации. Так, автор приводит суждение начальника Кубанской области ген.-лейтенанта Н.Н. Кармалина, которому привиделось, что «существовала некая тайная организация в Екатеринодарском уезде, которая имела определенное влияние на старшин бжедугских аульных обществ и депутатов горского суда». Если отвлечься от страхов ген.-лейтенанта, то можно предположить наличие в адыгском обществе неформальных связей, в рамках которых кристаллизовались идеи и суждения, которые обретали поддержку не только в массовой сознании, но и в практических действиях на уровне управления массами, например, при принятии решения об эмиграции в Турцию. С этой точки зрения, мне представляются преждевременными и легковесными характеристики автора (явно заимствованные из ведомственной документации административных и полицейских властей) о пребывании в адыгских аулах неких «эмиссаров-агентов», которые своей агитацией возбуждали народ и т.д. Я вижу в этих лицах неких знаковых деятелей, общественных авторитетов, обладавших существенным воздействием на общественную жизнь в Западной Черкесии, социальное влияние которых учитывалось при принятии решений, прежде всего на общинном уровне. Важно было проанализировать социальные качества, которые давали возможность группе или личности выдвинуться на властные позиции, детерминанты, обеспечивающие им соответствующие преференции, среди которых преемственность с традиционными структурами властовования и управления, думаю, имели не последнее значение.

Высказанные замечания и пожелания имеют рекомендательный характер. Они являются результатом раздумий и рефлексий над глубоким и фундированным трудом представленного диссертационного исследования.

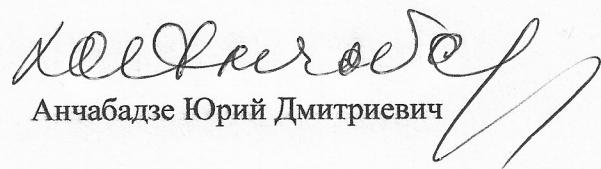
Подводя итоги, хотел бы вновь подчеркнуть, что рассматриваю диссертационную работу Р.С. Кандора как значительный и весомый исследовательский вклад. Работу отличает четкая постановка проблемы, обоснованность и достоверность выводов, что способствует расширению, углублению и детализации наших знаний по сформулированной проблеме. Основные положения и выводы автора пополняют теоретический и исследовательский тезаурус нашей науки.

Автореферат дает полное и адекватное представление об основной проблематике диссертационной работы, аналитических стратегиях и исследовательских выводах автора.

Вышеизложенное дает нам право утверждать, что диссертационная работа «Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-

Западного Кавказа в структуру российской административно-политической системы (XIX – начала XX в» полностью соответствует квалификационным требованиям ВАК, а ее автор –Руслан Султанович Кандор – заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

Ведущий научный сотрудник
ФБГУН Института этнологии и антропологии РАН,
доктор исторических наук
(07.00.07 – этнография, этнология и антропология)
anchabadze@list.ru
+7 985 117 09 85

Анчабадзе Юрий Дмитриевич

ФБГУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва 117334 Ленинский просп. 32 а
(495) 938 17 93
(985) 117 09 85
info@iea.ras.ru

